

УДК 343.34

DOI: 10.34670/AR.2026.76.87.060

К вопросу отграничения составов правонарушений членов экстремистского движения «АУЕ»

Кузнецов Феликс Андреевич

Аспирант,
кафедра уголовного права и криминологии,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 11;
e-mail: fietfel@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются теоретические и практические проблемы отграничения составов правонарушений, совершаемых членами запрещённого экстремистского движения «АУЕ» [Запрещенная в России экстремистская организация]. Анализируются сложности выявления признаков приверженности правонарушителей к данной субкультуре по уголовным и административным составам в условиях высокой латентности движения. Автором обосновывается необходимость разграничения идеологической приверженности криминальной субкультуре и активного участия в деятельности экстремистской организации. Такая необходимость обуславливается рядом объективных критериев, в числе которых организационная и правовая сущность экстремистского движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], характеризующаяся отсутствием чёткой иерархии, обладанием фундаментальными признаками молодёжной субкультуры в духе постмодерна, высокой латентностью противоправной деятельности членов движения, а также слабой степенью сформированности единообразной судебно-следственной практики по делам о правонарушениях и преступлениях, связанных с деятельностью движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ]. На основе анализа правоприменительной практики предлагаются критерии дифференциации уголовной и административной ответственности, а также пути совершенствования методики выявления и доказывания признаков принадлежности к движению «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ].

Для цитирования в научных исследованиях

Кузнецов Ф.А. К вопросу отграничения составов правонарушений членов экстремистского движения «АУЕ» // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 585-593. DOI: 10.34670/AR.2026.76.87.060

Ключевые слова

«АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], экстремистская деятельность, латентная преступность, разграничение составов, уголовная ответственность, административная ответственность, криминальная субкультура, квалификация преступлений, профилактика правонарушений, молодёжная субкультура.

Введение

В системе современных угроз национальной безопасности Российской Федерации экстремизм трансформируется из сугубо политического и религиозного феномена в комплексную социально-структурную проблему. Особое место в структуре экстремистских угроз занимает деструктивная идеология международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], которое решением Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 года признано экстремистской организацией, а его деятельность на территории России запрещена.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, спецификой самого движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], которое характеризуется отсутствием жесткой иерархии, формального членства, единого координирующего центра и программных документов [Анциферова, 2026, с. 279]. Это создает принципиальные трудности для правовой квалификации деяний его приверженцев, поскольку объект правового воздействия представляет собой не классическую организацию, а нечеткую субкультуру, наделенную признаками экстремистского сообщества [Шаликова, 2018, с. 107; Рябков, Полякова, 2018, с. 125; Эпова, 2018, с. 142; Бочкарёва, 2019, с. 149]. Во-вторых, высокой степенью латентности преступлений и административных правонарушений, совершаемых членами и сторонниками данного движения. В-третьих, отсутствием единообразной судебной следственной практики по делам данной категории, что обусловлено сложностью разграничения уголовно наказуемого участия в экстремистской организации и административно наказуемой пропаганды либо демонстрации ее символики.

Основная часть

Проблемы противодействия экстремистской деятельности, в том числе связанной с движением «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], исследуются в работах А.М. Плешакова, Г.С. Шкабина, Е.В. Анциферовой и других авторов [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 45]. Однако вопросы отграничения составов правонарушений применительно к специфике данного движения представляются недостаточно разработанными.

Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 года (дело № АКПИ20-514С) международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ, А.У.Е.) [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] признано экстремистской организацией. Дополнительным решением от 2 октября 2020 года были уточнены отдельные аспекты запрета деятельности данной структуры.

Правовая природа движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] характеризуется следующими признаками:

- Отсутствие формального членства и организационно-правовой формы. В отличие от классических экстремистских организаций, «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] не имеет устава, программы, руководящих органов в традиционном понимании. Это сетевой феномен, существующий преимущественно в виртуальном пространстве и пенитенциарной среде [Анциферова, 2026, с. 280].
- Идеологическая основа движения базируется на криминальной субкультуре, романтизации «воровских законов» и «тюремных понятий» [Громов, 2025, с. 45]. Как

отмечают исследователи, приверженцы данной идеологии пропагандируют создание «воровской» власти, применение «тюремных понятий», отрицание общепризнанных моральных принципов [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 46].

- Целевая аудитория — преимущественно несовершеннолетние и молодежь. По данным психологических исследований, численность лиц, состоящих в группах «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] в социальных сетях, составляет более 620 тыс. человек, из которых около 40% — несовершеннолетние [Громов, 2025, с. 78].
- Специфика деятельности проявляется в сборе средств в так называемый «общак», контроле над отдельными территориями или учреждениями уголовно-исполнительной системы через назначение «смотрящих», вовлечении новых участников, пропаганде криминальной идеологии [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 48].

С точки зрения права, признание движения экстремистским влечет запрет на его деятельность на территории Российской Федерации. Соответственно, любые действия, связанные с продолжением или возобновлением деятельности «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], образуют состав преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»), а пропаганда и публичное демонстрирование его символики влекут административную ответственность по ст. 20.3 КоАП РФ.

Латентность преступлений и административных правонарушений, совершаемых членами движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], обусловлена комплексом объективных и субъективных факторов [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 49].

Объективные факторы латентности:

- Сетевая структура организации. Отсутствие формального членства и иерархии в классическом понимании делает невозможным применение традиционных методов выявления организованных преступных групп. Как отмечает Е.В. Анциферова, специфика данного движения характеризуется отсутствием жесткой иерархии, фиксированного членства и программных документов [Анциферова, 2026, с. 280].
- Симбиоз виртуальной и реальной активности. Основная коммуникация приверженцев движения осуществляется через закрытые группы в социальных сетях и мессенджерах, что затрудняет оперативное выявление противоправной деятельности [Громов, 2025, с. 112].
- Кодекс молчания, принятый в среде приверженцев криминальной субкультуры. По «понятиям», посвящение посторонних в дела «братства» не допускается, что минимизирует возможность получения свидетельских показаний [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 50].
- Романтизация криминального образа жизни в подростковой среде. Для несовершеннолетних приверженность «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] часто выступает формой самоутверждения, а не осознанным участием в экстремистской деятельности, что затрудняет квалификацию их действий как противоправных [Громов, 2025, с. 134].

Субъективные факторы латентности связаны с правоприменительными проблемами:

- Отсутствие единых методик выявления признаков принадлежности к движению «АУЕ»

[признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ]. Правоприменители испытывают трудности при оценке татуировок, граффити, символики на предмет их отнесения к экстремистской символике организации [Анциферова, 2026, с. 281].

- Сложность доказывания умысла на участие в деятельности запрещенной организации. Как справедливо отмечается в научной литературе, граница между «приверженностью» (следованием воровским традициям) и «участием в деятельности запрещенной организации» остается размытой [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 51].
- Недостаточная подготовка сотрудников правоприменительных органов к выявлению признаков экстремистской деятельности в среде неформальных молодежных объединений [Громов, 2025, с. 156].

Примером сложности выявления признаков может служить дело жителя г. Облучье, который на своей странице в социальной сети «Одноклассники» разместил изображение с надписью «А.У.Е.» и восьмиконечными звездами [Анциферова, 2026, с. 281]. В судебном заседании правонарушитель отрицал свою принадлежность к сообществу «А.У.Е.» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], объяснить значение изображений не смог, указав, что разместил их без какой-либо цели. Данный случай демонстрирует типичную ситуацию, когда лицо либо действительно не осознает значения размещаемой символики, либо намеренно скрывает свою приверженность экстремистской идеологии.

Система правовых запретов, связанных с деятельностью движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], включает как уголовно-правовые, так и административно-правовые нормы. Правильная квалификация деяния требует разграничения следующих составов, среди которых, соответственно, уголовно-правовые и административные. В частности:

- Ст. 282.2 УК РФ (ч. 1 — организация деятельности экстремистской организации; ч. 2 — участие в деятельности экстремистской организации).
- Ст. 282.3 УК РФ (финансирование экстремистской деятельности).
- Ст. 282.4 УК РФ (неоднократное публичное демонстрирование символики экстремистской организации) — данная норма была введена Федеральным законом от 30.12.2020 № 525-ФЗ и предусматривает ответственность за деяние, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 20.3 КоАП РФ.
- Ст. 20.3 КоАП РФ (ч. 1 — пропаганда либо публичное демонстрирование символики экстремистской организации).
- Ст. 20.29 КоАП РФ (производство и распространение экстремистских материалов).
- Ч. 2 ст. 13.15 КоАП РФ (распространение информации о деятельности запрещенной организации без указания на запрет).

Ключевой проблемой является разграничение состава, предусмотренного ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (участие в деятельности экстремистской организации), и состава, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ (пропаганда либо публичное демонстрирование символики). Для решения этой проблемы необходимо обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

В соответствии с п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.2

УК РФ, является формальной и признается оконченной с момента совершения действий, свидетельствующих о продолжении функционирования запрещенной организации.

Критерии разграничения могут быть представлены в виде таблицы:

Таблица 1 – Критерии разграничения участия в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ) и пропаганды либо демонстрации символики (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ)

Критерий	Участие в деятельности организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ)	Пропаганда/демонстрация символики (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ)
Направленность умысла	Продолжение/возобновление функционирования организации	Публичное выражение приверженности идеологии
Характер действий	Систематическое участие, выполнение функциональных обязанностей	Единичные акты демонстрации символики
Объективная сторона	Вовлечение новых членов, сбор средств, координация, планирование	Размещение изображений, ношение символики
Субъект	Лицо, осведомленное о запрете деятельности организации	Любое лицо
Последствия	Создание угрозы общественной безопасности	Формирование положительного образа организации

Особого внимания заслуживает разграничение составов с учетом признака неоднократности. Федеральным законом от 30.12.2020 № 525-ФЗ в УК РФ введена ст. 282.4, предусматривающая уголовную ответственность за публичное демонстрирование символики экстремистской организации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 20.3 КоАП РФ. Таким образом, законодатель установил «ступенчатую» ответственность: первое нарушение влечет административную ответственность, повторное — уголовную [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 52].

Примером применения данной нормы может служить уголовное дело, направленное Мценским межрайонным прокурором в суд в апреле 2025 года. Осужденный, отбывающий наказание в исправительном учреждении, демонстрировал другим осужденным татуировки с символикой, сходной до степени смешения с символикой «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ]. Ранее он уже привлекался к административной ответственности за аналогичное деяние по ст. 20.3 КоАП РФ.

Анализ судебной практики позволяет выделить типичные сложности, возникающие при выявлении и доказывании признаков приверженности к движению «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ].

Прежде всего, одной из основных сложностей, возникающих в процессе производства по уголовным делам, а также делам об административных правонарушениях, связанных с деятельностью «АУЕ», является оценка символики на предмет сходства до степени смешения [Шиханов, 2021, с. 69].

В рамках психолого-лингвистической экспертизы необходимо установить, позиционирует ли себя владелец страницы в социальных сетях как участник экстремистской группы [Громов, 2025, с. 167]. Однако единых критериев оценки символики «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] не существует [Анциферова, 2026, с. 282]. К символике, ассоциируемой с движением, относят: аббревиатуру «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], «А.У.Е.»; восьмиконечные звезды («воровские звезды»); изображения, сочетающие аббревиатуру с криминальной

атрибутикой (короны, перстни, надписи «вор в законе» и т.п.) [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 53].

Во-вторых, актуальной проблемой правоприменения является доказывание цели совершаемых противоправных деяний. Для квалификации по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ необходимо установить, что лицо совершало действия именно с целью продолжения или возобновления деятельности запрещенной организации. В то же время размещение символики может быть продиктовано иными мотивами: непониманием значения, желанием выглядеть «круто» в глазах сверстников, подражанием [Громов, 2025, с. 189].

Как отмечает Д.В. Громов в своем исследовании, явление «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] стало заметным медийным событием во многом благодаря конструированию «бренда страха перед преступностью» [Громов, 2025, с. 23]. При этом за аббревиатурой не всегда стоит реальная криминальная активность — часто речь идет о подростковом подражании и романтизации тюремной романтики [Громов, 2025, с. 24].

В-третьих, ввиду высокой степени латентности деятельности движения, сложной задачей остается выявление иерархических связей, а также установления факта занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 54]. Материалы правоприменительной практики указывают на острую необходимость производства оперативно-розыскных мероприятий, включая наблюдение, снятие информации с каналов связи, опросы, наведение справок.

Наиболее острая проблема квалификации — разграничение пассивной идеологической приверженности криминальной субкультуре и активного участия в деятельности запрещенной организации [Анциферова, 2026, с. 282]. Приверженность сама по себе находится вне рамок уголовно-правового регулирования, пока она не выражается в конкретных актах поведения, направленных на дестабилизацию общественной безопасности.

Анализ практики привлечения к ответственности участников «АУЕ» в исправительных учреждениях (например, дело 11 заключенных колонии с. Среднебелая Амурской области) показывает, что суды квалифицируют как уголовно наказуемое деяние создание устойчивой группы, навязывание другим заключенным соблюдения «воровских законов», сбор денег в «общак» [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 55]. При этом пассивное следование традициям криминальной субкультуры без активных действий по ее пропаганде и распространению, как правило, не влечет уголовной ответственности [Анциферова, 2026, с. 283].

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования практики выявления и квалификации правонарушений, совершаемых членами движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 56-57].

Прежде всего, актуальным вопросом остается совершенствование нормативной базы, в частности, разработка ведомственных методических рекомендаций по выявлению признаков приверженности движению «АУЕ», [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] включающих: перечень символики, используемой движением; критерии ее оценки; типичные способы коммуникации приверженцев; признаки вовлечения несовершеннолетних [Анциферова, 2026, с. 283].

Помимо прочего, обоснованным представляется унификация подходов к назначению и проведению психолого-лингвистических экспертиз по делам об экстремизме, а также иных преступлений, связанных с «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] [Громов, 2025, с. 234].

Практическую эффективность демонстрирует и формирование единой судебной практики по вопросам квалификации деяний, связанных с деятельностью «АУЕ» [признано

экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], путем обобщения и опубликования обзоров судебной практики Верховным Судом РФ.

Перспективным направлением для развития механизмов правоприменения представляется и разработка алгоритма действий сотрудников правоохранительных органов при выявлении фактов пропаганды «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] в сети Интернет, включая порядок фиксации и изъятия цифровых доказательств [Громов, 2025, с. 241].

Вместе с тем, необходимо отметить, что поскольку противодействие преступности является задачей как правоохранительных органов, так и гражданского общества, в связи с чем, актуальными остаются вопросы профилактики и предупреждения преступлений и правонарушений, связанных с деятельностью движения «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ].

Среди перспективных профилактических мер следует обозначить проведение разъяснительной работы среди несовершеннолетних и их родителей о противоправном характере деятельности «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] и последствиях участия в нем [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 57].

Ввиду высокой степени распространенности идеологии движения в подростковой среде, обладает актуальностью и организация психологической помощи подросткам, попавшим под влияние криминальной субкультуры, с целью их ресоциализации и отказа от деструктивной идеологии [Громов, 2025, с. 256].

Заключение

Таким образом, движение «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] представляет собой специфический феномен, сочетающий признаки экстремистской организации и криминальной субкультуры [Анциферова, 2026, с. 279]. Отсутствие формального членства, жесткой иерархии и программных документов создает принципиальные трудности для его правовой квалификации в качестве экстремистского сообщества.

Латентность правонарушений, совершаемых членами «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ], обусловлена сетевой структурой организации, кодексом молчания, принятым в криминальной среде, а также недостаточностью методического обеспечения деятельности правоприменительных органов по выявлению данного феномена [Плешаков, Шкабин, 2024, с. 49; Громов, 2025, с. 112].

Ключевой проблемой отграничения составов является разграничение уголовно наказуемого участия в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ) и административно наказуемой пропаганды либо демонстрации символики (ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ). Критериями разграничения выступают: направленность умысла, характер и систематичность действий, наличие организационной функции [Альфимов, 2022, с. 142, с. 142].

Введение в УК РФ ст. 282.4, предусматривающей уголовную ответственность за неоднократное публичное демонстрирование символики экстремистской организации, создало «ступенчатую» систему ответственности, позволяющую более гибко реагировать на различные степени общественной опасности деяний.

Перспективными направлениями совершенствования практики противодействия деятельности «АУЕ» [признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ] являются: разработка методических рекомендаций по выявлению признаков движения;

унификация подходов к судебно-экспертной оценке символики; формирование единой судебной практики; активизация профилактической работы среди несовершеннолетних.

Библиография

1. Альфимов Н.Г. Особенности расследования преступлений экстремистской направленности // Наука молодых: вызовы и перспективы: сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции в рамках мероприятий «Дни науки — 2022 год», Великий Новгород, 11–15 апреля 2022 года. Великий Новгород, 2022. С. 142–146.
2. Анциферова Е.В. Актуальные вопросы разграничения идеологической приверженности и участия в деятельности экстремистской организации АУЕ // Молодой учёный. 2026. № 3 (606). С. 279–282.
3. Бочкарёва Е.В. Распространение криминальной антикультуры в молодёжной среде // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 144–150.
4. Громов Д.В. АУЕ: криминализация молодёжи и моральная паника. Москва: Новое литературное обозрение, 2025. 312 с.
5. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Участие в деятельности АУЕ в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2024. № 5. С. 45–52.
6. Рябков Н.С., Полякова А.Е. Особенности становления и развития криминальной субкультуры АУЕ // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Москва: Юриспруденция, 2018. С. 122–128.
7. Шаликова Н.И. АУЕ как современная молодёжная криминальная субкультура: постановка проблемы // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Москва: Юриспруденция, 2018. С. 103–109.
8. Шиханов В.Н. Криминализация АУЕ: подводные камни реализации политико-правового решения // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1 (92). С. 69–70.
9. Эпова А.В. АУЕ как современное направление криминальной субкультуры: причины и способы противодействия // Проблемы противодействия криминальной субкультуре. Москва: Юриспруденция, 2018. С. 142–148.

On the Issue of Distinguishing the Elements of Offenses Committed by Members of the Extremist Movement "AUE"

Feliks A. Kuznetsov

Postgraduate Student,
Department of Criminal Law and Criminology,
Baikal State University,
664003, 11, Lenina str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: fietfel@yandex.ru

Abstract

The article examines theoretical and practical problems of distinguishing the elements of offenses committed by members of the banned extremist movement "AUE" [a banned extremist organization in Russia]. The difficulties of identifying signs of offenders' adherence to this subculture under criminal and administrative elements in conditions of the high latency of the movement are analyzed. The author substantiates the necessity of distinguishing ideological adherence to the criminal subculture from active participation in the activities of an extremist organization. Such necessity is conditioned by a number of objective criteria, including the organizational and legal essence of the extremist movement "AUE" [recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation], characterized by the absence of a clear hierarchy, the possession of fundamental features of a youth subculture in the spirit of

postmodernity, the high latency of the unlawful activity of the movement's members, as well as the weak degree of formation of uniform judicial and investigative practice in cases of offenses and crimes related to the activities of the "AUE" movement [recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation]. Based on the analysis of law enforcement practice, criteria for differentiating criminal and administrative liability are proposed, as well as ways to improve the methodology for identifying and proving signs of belonging to the "AUE" movement [recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation].

For citation

Kuznetsov F.A. (2026) K voprosu otgranicheniya sostavov pravonarusheniy chlenov ekstremistskogo dvizheniya "AUE" [On the Issue of Distinguishing the Elements of Offenses Committed by Members of the Extremist Movement "AUE"]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 585-593. DOI: 10.34670/AR.2026.76.87.060

Keywords

"AUE" [recognized as an extremist organization and banned in the territory of the Russian Federation], extremist activity, latent crime, distinction of elements of offenses, criminal liability, administrative liability, criminal subculture, qualification of crimes, prevention of offenses, youth subculture.

References

1. Alfimov, N.G. (2022). Osobennosti rassledovaniya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti [Features of the investigation of extremist crimes]. In *Nauka molodykh: vyzovy i perspektivy: sbornik materialov Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh meropriyatiy "Dni nauki — 2022 god"* (pp. 142–146). Veliky Novgorod.
2. Antsiferova, E.V. (2026) Aktual'nye voprosy razgranicheniya ideologicheskoy priverzhennosti i uchastiya v deyatel'nosti ekstremistskoy organizatsii AUE [Actual issues of distinguishing ideological commitment and participation in the activities of the extremist organization AUE]. *Molodoy uchenyy*, (3(606)), 279–282.
3. Bochkareva, E.V. (2019). Rasprostraneniye kriminal'noy antikul'tury v molodezhnoy srede [The spread of criminal anti-culture among young people]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, (8), 144–150.
4. Epova, A.V. (2018). AUE kak sovremennoe napravleniye kriminal'noy subkul'tury: prichiny i sposoby protivodeystviya [AUE as a modern trend of criminal subculture: causes and methods of counteraction]. In *Problemy protivodeystviya kriminal'noy subkul'ture* (pp. 142–148). Moscow: Yurisprudentsiya.
5. Gromov, D.V. (2025). AUE: kriminalizatsiya molodezhi i moral'naya panika [AUE: criminalization of youth and moral panic]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Pleshakov, A.M., & Shkabin, G.S. (2024). Uchastie v deyatel'nosti AUE v uchrezhdeniyakh, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva: problemy kvalifikatsii [Participation in the activities of AUE in institutions providing isolation from society: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo*, (5), 45–52.
7. Ryabkov, N.S., & Polyakova, A.E. (2018). Osobennostyanovleniya i razvitiya kriminal'noy subkul'tury AUE [Features of the formation and development of the criminal subculture of AUE]. In *Problemy protivodeystviya kriminal'noy subkul'ture* (pp. 122–128). Moscow: Yurisprudentsiya.
8. Shalikova, N.I. (2018). AUE kak sovremennaya molodezhnaya kriminal'naya subkul'tura: postanovka problemy [AUE as a modern youth criminal subculture: problem statement]. In *Problemy protivodeystviya kriminal'noy subkul'ture* (pp. 103–109). Moscow: Yurisprudentsiya.
9. Shikhanov, V.N. (2021). Kriminalizatsiya AUE: podvodnye kamni realizatsii politiko-pravovogo resheniya [Criminalization of AUE: the pitfalls of implementing a political and legal solution]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, (1(92)), 69–70.